

Саддам Хусейн

Посмертное проклятие

A_Ch

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158561

Хусейн С. Посмертное проклятие: Амфора; М.; 2007

ISBN 978-5-367-00583-7

Аннотация

Эта книга была написана Саддамом Хусейном незадолго до вторжения американских войск в Ирак. Тираж удалось спасти и вывезти из страны. Некоторое время спустя она появилась на прилавках книжных магазинов Японии, вызвав безусловный интерес читателей.

Все, что происходит с героями книги, ассоциируется с историей современного Ирака: это и война в Персидском заливе, и начавшаяся в 2003 году нескончаемая трагедия иракского народа. Это личная "дьяволиада" Саддама Хусейна – и философская притча о вечном противостоянии добра и зла.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Саддам Хусейн

Посмертное проклятие

ВСТУПЛЕНИЕ

Живут черти, по убеждению тех, кто верит в это, и плодятся между деревянными балками, что подпирают крыши ветхих домов, в углах, где обычно свалены дрова, в пещерах и горных расщелинах, в заброшенных лачугах, в развалинах каменных стен – там, где Аллах разгневался на народ, и сгнули те, кто сгинул, а остальные оставили свои жилища. Живут в развалинах Вавилона, покинутого людьми после того, как разрушен он был персами по сговору с иудеями, которых когда-то пленными пригнал в город Навуходоносор. А сейчас они вполне могут водиться в средствах связи и в телевизионных экранах, в современных вещах, во всем, что обладает силой внушения и искушения. Или в глазах алчных женщин, которым они способны придать любой оттенок, стоит лишь вставить контактные линзы, скрывающие подлинный цвет глаз. Тогда мужчине трудно бывает определить, желает женщина чего-либо или не желает, будь то пристойно или неблагоприятно, и не понять уже по ее глазам, когда ей стыдно. Не понять, повинуется ли она во всем воле Аллаха, сохраняя достоинство свое и своей семьи, или же катится в са-

танинскую пропасть, обесчестив себя и ближних своих. Или живут они в поступках мужчин, которые ступают на путь, неугодный Аллаху, и дают волю гневу, позабыв обо всем, о чем следует помнить, кроме того, что угодно им сию минуту, и того, что пробудил в них гнев. В любом случае, место чертей там, где алчность и алчущие, угнетение и угнетатели, зло и злодеи. Представьте себе, что есть они даже в ружейном затворе, в набитой нечестивыми деньгами казне, в двигателе самолета, в оперении авиабомбы или ракеты, несущих с собой разрушение. Во вражеской оккупации, в тюремных замках и за их решетками, где в камерах томятся невинные люди и борцы за свободу. Живут они в сердцах своих приверженцев, текут вместе с кровью по их жилам, прячутся в их мыслях и желаниях. Обитают на кончиках перьев, которыми выводят они ложь, в том, к чему они готовятся и что замышляют.

Обжился шайтан в разного рода вещах и приводит в движение всевозможные рычаги, чтобы разжигать зло. Раскинул свои сети повсюду, повсеместно распространил свое влияние, когда возросли способности людей и умножились в их руках средства. Изменился его архаичный облик, который прежде рисовался в воображении и на изображениях: глаза выпучены, растрепанные волосы торчат во все стороны, не желают ниспадать на плечи и уши, как у человека. Проник шайтан в человека так глубоко, что даже дервиши и знахари не в силах изгнать его из тела, чьей душой он решил поиг-

рать, пусть тысячи раз ударяют они посохом в землю рядом с тем, в кого вселился шайтан, пусть даже ему по затылку, выкрикивая столь необходимые прежде слова: «Изыди, проклятый!»

Шайтан как будто бы слился с человеком, подходящим ему по описанию, проник в его нутро. Или наоборот, человек своим характером и поведением стал напоминать шайтана. А может, шайтан и вовсе убрался, скрылся где-то далеко, когда возросло число тех людей, что делают его дело вместо него.

Как бы там ни было, шайтан глубоко проник и надежно обосновался в сердцах и умах, в помыслах тех, кто ему отдался. Но, столкнувшись с теми, кто облачен в доспехи веры, он потерпел неудачу и держится теперь подальше от тех, кто не признает над собой ничьей власти, кроме власти Милостивого и Милосердного, от верующих, которые думают и поступают во всем в угоду Аллаху, слава Ему, соблюдая Его запреты.

Полторы тысячи лет назад или около того, много позже того и до наших времен люди на земле, в большинстве своем, жизнь вели скромную. И добро и зло в их сердцах и душах, а оттого и в делах их и в отношениях друг к другу имели каждое свое место сообразно их именам. Но добро и зло в те времена проявления имели каждое по способностям своим, и потому зло было гораздо скромнее по сравнению с тем, как оно выглядит в наши дни. А вот сила добра была тогда вели-

ка, поскольку широта и глубина влияния тех, кто несли его, имели великий размах. И, несмотря на то что сила убеждения уверовавших в него сынов человеческих определялась лишь уровнем сознательности и крепостью веры, а люди за редким исключением были безграмотны, влияние тех, кто стал проповедовать зло после того, как шайтан совратил их с пути истинного, и их преступления не имели того размаха, который мы наблюдаем в наше время. Но тем не менее зло и несущие зло всегда оказываются рядом с добром и теми, кто в добро верит. А Аллах, Господь двух миров, пребывает надо всеми. Внимательно следит Он за происходящим и записывает в Небесную книгу каждому по его делам, отмечая и дела шайтана.

Так рассказывал Ибрагим сиротам своих троих сыновей, убитых в племенных набегах и распрях, которые в те времена были обычным делом на Аравийском полуострове, расположившемся между Арабским заливом¹ и Красным морем и вместившем на просторах своих Ирак, страны Залива и Йемен.

Так уж случилось, что три его убитых сына оставили ему троих мальчиков, по одному сыну каждый. Родители назвали их Иезекиль, Иосиф и Махмуд. Мальчики росли на попечении деда Ибрагима, которого они звали папой. А бабушку свою Халиму, жену Ибрагима, звали они матерью, ведь после смерти отцов матери их вернулись к своим соплеменникам.

---

¹ Персидский залив (здесь и далее под цифрами примечания переводчика).

Рядом с Ибрагимом жена его Халима, носившая прозвище Добрая, вертела свое веретено, пряла пряжу, чтобы связать одежду для тех из домочадцев, у кого она прохудилась. Дом, под кровом которого жило семейство, был обычным домом из шерсти².

Пока Ибрагим вел свой рассказ, к нему подошел маленький ягненок и принялся тыкаться носом в его меховую жилетку. Не прерывая рассказ, Ибрагим погладил ягненка по морде, оттолкнул от жилетки и сунул ему палец, который тот принялся увлеченно сосать, как сейчас дети сосут молоко из бутылки.

– У тебя в пальце есть молоко, пап? – спросил младший Махмуд.

– Нет, молоко в вымени его матери, сынок. Он просто играет, как играешь ты, когда лазаешь по растяжкам шатра. Смотри только не упали и не сломай себе шею. Разница между вами в том, что ягненок играет с пальцем, и в этом для него нет ничего опасного. Ты же, когда лазаешь по веревкам, можешь потерять равновесие и упасть, сломать себе руку, ногу и даже шею, особенно если Иезекиль задумает вдруг сыграть с тобой злую шутку и начнет дергать веревку.

Когда речь в предостережениях Ибрагима дошла до шеи, Махмуд машинально ощупал свою и даже сглотнул, отчего братья его рассмеялись, а Халима Добрая заулыбалась. Свое прозвище она получила по благовраию своему, за которое

---

² Дом из шерсти (араб, бейт аш-шаар) – бедуинский шатер.

ее ценили все люди, включая Ибрагима.

– Я тоже, пап, иногда лазаю по веревкам, но еще ни разу не упал, – спросив разрешения, сказал средний из мальчиков, Иосиф.

– Когда-нибудь можешь упасть, каким бы ловким ты ни был. Да сохранит вас Аллах, дети мои. Лучше держаться от этих веревок подальше, потому что многие, кто лазает по ним вместо того, чтобы найти себе более прочную опору для передвижения, в конце концов теряют равновесие, падают и расстаются с жизнью.

– А что, если лазать по деревьям, перебираясь с ветки на ветку? – спросил Махмуд.

– Если вести себя осмотрительно, то лучше уж лазать по деревьям. Дерево произрастает из земли, и корни его уходят глубоко, поэтому связь его с землей так прочна. Тот, чья связь с землей будет крепче, будет устойчивей и гибче и товарища своего не предаст. Вот и дерево тебя не подведет, когда будешь карабкаться по Heivry. А веревки болтаются в воздухе, и с землей они связаны через столбы, а не сами по себе, вот почему они так неустойчивы и опасны. А вдруг когда будешь лезть по веревке, еще и столб выскочит?

– А Господь, о котором ты нам говорил, уже был, прежде чем Он создал человека? Он где, на небесах? – спросил у отца Иезекиль.

– Да, сынок. Аллах, хвала Ему, был до того, как создал Он человека, до того, как создал все, что вы видите вокруг себя

и к чему можете прикоснуться. Аллах всемогущий – Создатель всего, и нас в том числе. Он всеобъемлющ и пребывает там, где захочет, – отвечал Ибрагим.

Тогда спросил Иосиф:

– И ягненка создал Аллах?

– Да, сын мой, и ягненка. Он создал и ягненка, и его мать, и его отца. Всех животных, все деревья, все реки.

Мальчики были почти одного возраста с разницей года в полтора. Старшему было двенадцать, остальным соответственно этой разнице.

– А почему Аллах не сделал человека вместо ягненка, отец? Ведь когда мама прядет или ткёт одежду, если у кого она прохудилась, я вижу, что ты ей помогаешь. Но если прохудилось седло для осла, чинит его только один из вас, потому что ослиное седло не так важно, как одежда для человека. Так разве человек не важнее ягненка? Почему Аллах тратил время на ягненка, когда мог бы создать человека? – снова задал вопрос Иезекиль.

– Могущество Господа, сын мой, способно охватить и вместить все на свете. Это совсем не так, как у человека, который должен на все, что он творит, рассчитывать силы и время. Поэтому-то Аллах, слава Ему, создавая человека, в то же время может создать и другого человека, и верблюда, и ягненка, и любое живое существо или растение. Аллах всемогущ, сынок. Чему угодно Он может сказать: «Будь!» – и оно будет. Что до нас, сынов человеческих, то возможности

наши очень ограничены, и, делая одно дело, мы вынуждены отложить другое или просить кого-то сделать то, что сами не в силах. К тому же человек не смог бы жить на свете, если бы не создал для него Господь другие свои творения, такие как животные и растения, после того как создал Он землю, воду и воздух. И это одно из знамений Божьих, что сотворил Он человека и поставил его выше всех созданий Своих, чтобы знал тот предназначение свое в жизни и в мире и воздавал благодарность Аллаху за это свое преимущество.

– Когда ягненок вырастет и станет овечкой, мы будем пить ее молоко, ведь так, пап? – вмешался младший из детей, Махмуд.

– Да, сынок, молодец! – отвечал Ибрагим.

Дети внимали каждому слову Ибрагима, а вместе с рассказом до их слуха доносился свист пронизывающего зимнего ветра. Раздались раскаты грома, сверкнула молния, забеспокоились овцы у входа в шатер, где они обычно располагались.

– Господи, пошли нам хороший год. Огради нас от бурь и превратностей судьбы, – произнес Ибрагим, и все повторили вслед за ним:

– Да будет так.

***

Пока Ибрагим вел беседу с внуками, Халима Добрая бы-

ла занята своей пряжей. Когда кто-нибудь из детей задавал вопрос, она, прислушиваясь, улыбалась, и руки ее замирали. Потом снова возвращалась к своему занятию и прерывалась, только если Ибрагим или младший ребенок просили пить. Тогда она поднималась и приносила воды в ковше, сделанном из соломы и покрытом битумом³.

Посуду делали из пальмовых листьев, камыша или папируса и покрывали слоем битума. А его в те времена нигде, кроме Ирака, не добывали. Улица Процессий в древнем Вавилоне тоже была покрыта битумом. Стоит, пожалуй, знать, что битум, покрывавший улицу в старовавилонский период за 1900 лет до Рождества, превосходил по качеству тот, что добывают в наши дни. То же и с керамикой, которой пользовались иракцы в среднеассирийский период за 1400 лет до Рождества. Краски, которые были в ходу в Вавилоне и на севере Ирака, не потеряли свой цвет до сих пор, хотя некоторым из них уже больше шести тысяч лет.

Воду Ибрагим с женой хранили в бурдюке, который подвешивали обычно в углу шатра, чтобы какая-нибудь коза, овца или собака не добрались до него, чтобы напиться или забавы ради.

Ибрагим, кутаясь в меховую жилетку из овечьей шкуры, отвечал на вопросы ребят. Когда пламя костра, вокруг которого они сидели, угасало, дети подвигались к нему так, что

---

³ Выходы на поверхность минеральной смолы или битума в Междуречье обр-зовывали иногда целые озера.

огонь едва их не касался. А когда дрова превращались в золу, Ибрагим подкладывал в костер их несгоревшие куски и, чтобы огонь совсем не потух, отправлял Иезекиля за очередной порцией дров в дальний угол шатра, где их хранили, чтобы их не намочило дождем или росой.

В шатре было все необходимое для жизни – от каменного жернова, чтобы молоть и дробить, до бурдюка с водой, бурдюка с кислым молоком, ведра с веревкой, без которого невозможно было набрать воды для людей и скотины из вырытого недалеко от шатра колодца. Два ковра из овечьей шерсти на полу были сотканы руками Халимы с помощницами.

Когда наступала ночь и огонь угасал, самый младший, Махмуд, садился возле самого костра, расставив ноги так, что, бывало, открывалась его нагота. Из-за этого на его животе и ногах появлялись пятна. Все ребята грелись в такой позе, но Махмуд, по малости своих лет, садился к огню особенно близко. Напрасно старший и средний брат пытались внушить ему, чтобы он убрал ноги подальше от огня или прикрылся одеждой, – чем холоднее становилось перед сном, тем ближе подвигался Махмуд к костру. А мать окрикивала братьев:

– Оставьте младшего в покое, не приставайте! В его возрасте и вы такими же были. Вот вырастет он и поумнеет!

Отец и братья на это только смеялись.

В один из дней, когда все сидели у костра, младший сделал так, как делал обычно. Тогда Иезекиль стал палочкой незаметно подвигать уголек, пока не придвинул его вплотную к крайней плоти брата. Младший вскрикнул от боли, вскочил и набросился на брата, колотя его одной рукой в грудь, а другой таская за волосы. Ибрагим, Халима и Иосиф принялись упрекать Иезекиля за его выходку.

Не прошло и несколько дней, как язык Иезекиля поразил странный недуг. Несмотря на все старания Халимы и Ибрагима, излечить болезнь удалось не раньше чем через два месяца. А когда болезнь отступила, остались проблемы с речью, и оказалось, что Иезекиль картавит на многих буквах арабского алфавита. Особенно это было заметно на букве «ра».

– Два месяца тому назад меня очень сильно расстроила твоя выходка, когда ты обжег крайнюю плоть своего брата, – сказал ему дед Ибрагим. – Рана не заживала, и крайнюю плоть пришлось обрезать. Из-за того, что ты так сильно огорчил меня, я призвал на твою голову несчастья. А поскольку молитва отца не остается безответной, Аллах, Господь мой, откликнулся на нее. Я надеюсь и молю Аллаха, слава Ему, чтобы Он отвратил тебя с пути зла и защитил людей от тех бед, которые ты можешь им причинить. В отличие от сво-

их братьев, Иосифа и Махмуда, ты все дальше удаляешься по этому пути, и нередко страдания, которые ты доставляешь людям, выпадают на долю твоих братьев. Молю, чтобы исчезла твоя алчность, ибо вижу, как часто стремишься ты завладеть тем, что принадлежит твоим братьям или нашим ближним. Жадность губит человека, Иезекиль, и заставляет людей его ненавидеть. Про тебя я знаю, что ты никогда не отдашь своего никому, даже своей матери Халиме. Ты никому не помогаешь. Ты даже «мочу свою для раненого не дашь», как говорит пословица.

Мочу применяли в те времена для дезинфекции легких ран, если под рукой не оказывалось золы, а пословица подразумевает крайнюю степень жадности: про жадного говорили, что он мочу свою для раненого пожалеет.

– Качества, которыми ты наделен, сын мой Иезекиль, не являются благородными, и Аллаху, Господу нашему, они не угодны, – продолжал Ибрагим. Если и дальше будешь вести себя так, боюсь, Аллах не примирит тебя с людьми, и будешь ты жить среди них отверженным. А тот, кто утратил благоволение Божье, жить спокойно не будет, окажись у него даже все из того, чем владеют другие. Вот скажи мне, сынок, сумеешь ли ты жить спокойно и счастливо, если у тебя будет все, что твоей душе угодно, а у других не будет ничего? Даже если ты упрешься и станешь твердить: «Да, я буду жить счастливо!» – ты не сможешь жить в безопасности. Тебе всю жизнь придется отмахиваться палкой от тех, кто за-

хочет твоих денег. А все потому, что наживешь ты их своей алчностью. И если палкой сумеешь ты отогнать одного-двоих, то она будет бессильна, когда с ростом твоего богатства возрастет число желающих погреть на нем руки, когда умножится число тех, кто лишен всего, или когда люди решат, что им нужно объединяться, чтобы противостоять твоим посягательствам на то, что они имеют. Даже если тебе удастся заполучить все, чем владеют другие, на душе твоей будет беспокойно. И пусть даже тот, кто владеет всем или стремится всем завладеть, не испытывает душевных страданий. Ущемленные им не оставят его в покое, и тогда уже Бога, чтобы ему помочь, рядом не окажется. Как бы там ни было не видать ему в жизни ни счастья, ни любви окружающих. Запомни мое наставление, сынок, потому что годы мои идут, и я боюсь, что я умру, а ты не исправишься, и придется тогда тебе об этом пожалеть.

***

Шли дни. Случилось так, что в тот год в их землях в отдалении от западного края реки Евфрат в центре Ирака и от ее северных берегов обильных дождей не дождались. Но кочевавшие здесь бедуины говорили, что в стране Аш-Шам⁴ в области Аль-Джазира, расположенной рядом с Ираком, про-

---

⁴ Так называли область на севере Аравийского полуострова, примерно совпадающую с границами Сирии, и город Дамаск.

шли обильные дожди. А поскольку Ибрагим имел множество овец и верблюдов, он, посоветовавшись с женой, решил кочевать туда со всей семьей и всеми своими стадами. Дорога предстояла долгая, потому что передвигались кочевники со скоростью самых тихоходных своих животных. В пути между двумя стоянками главным, что следовало принять в расчет, была вода, да еще приходилось думать о том, чем будет кормиться скотина. Одна из стоянок случилась в долине Таратар на северо-западе от Тикрита и севернее Аль-Анбар.

– Жена моя благоверная, – сказал Ибрагим, обращаясь к Халиме, – если случится мне оказаться раньше вас на следующей стоянке, к которой мы держим путь, ориентируйся по Полярной звезде. Пусть она будет над твоим левым плечом. Если продолжать двигаться так, то напрямик попадешь в земли Аш-Шам. И если мы решим идти на Абу-Кямаль в Сирии, то, двигаясь таким образом, доберемся туда и без проводника.

Ибрагим хорошо знал эти земли, потому что за долгую жизнь ему довелось жить здесь и немало то тут, то там кочевать.

На пути их в Аш-Шам, когда они добирались до родника или колодца, оказывалось, что их уже опередили либо те, кто кочевал в этих землях и пришел, чтобы утолить жажду и напоить овец, либо пришедшие издалека.

Поскольку часто бывало так, что Ибрагим знал тех, кто опередил его на стоянке, особенно из кочевавших в этих ме-

стах племен, знатные люди племени зазывали его с сыновьями на обед, резали баранов и приглашали на пиршество всех соседей. В те времена, а в некоторых пустынных областях и доныне, люди не дожидались, пока кто-нибудь пригласит их на обед, а сами собирались, обычно в доме старейшего из уважаемых людей, выпить кофе. И уж конечно все являлись, как только проходил слух о появлении необыкновенного гостя, чтобы получить свой кусок мяса с похлебкой и приправами или похлебку с приправами без мяса, если количество едоков превосходило количество кусков мяса. В один из таких дней, когда приготовили и подали пищу и все приглашенные приступили к еде, заметил Ибрагим, что его сын Иезекиль, в отличие от своих братьев, не только съел свой кусок мяса, но заодно прихватил и кусок у соседа. Не успела рука того дотянуться до куска, как Иезекиль схватил его и отправил себе в рот. Случившееся сильно смутило Ибрагима. И несмотря на то, что хозяин дома и все приглашенные, увидев такое, рассмеялись, а хозяин съеденного куска сказал: «Твоя правда, сынок. Видно, путь ваш был долгим. А живот, когда он голодный, не знает милости», – Ибрагим предпочел бы, чтобы земля разверзлась в эту минуту и поглотила его, только бы не переносить ему этот позор. Даже Иосиф смущен был таким поведением, несмотря на всю разницу в возрасте. С того дня Ибрагим, если его приглашали на пиршество, перестал брать с собой Иезекиля и отправлялся туда с Иосифом и Махмудом.

***

Погода и пастбища в Аш-Шаме располагали Ибрагима остаться, и он решил обосноваться там, время от времени перекочевывая с места на место. Все тучнее и многочисленнее становились его овцы и верблюды, жизнь здесь становилась лучше, чем на старом месте. Дома всегда имелись хлеб и сушеный инжир, изюм, оливковое масло и маринованные оливки, и Халима была куда счастливее, чем ее муж Ибрагим. И все-таки и она, и ее дети скучали по оставленным местам, когда они зимовали в Аш-Шаме в землях Аль-Джазиры западнее среднего течения Евфрата, а лето проводили у его правого плеча.

***

Дети росли, и Иезекилю было уже почти двадцать лет. За ним поспевали и Иосиф с Махмудом с известной нам разницей около двух лет. Чем старше они становились, тем труднее было справиться с нравом Иезекиля. Возросли его жадность, враждебность к людям, алчность к чужим деньгам, в то время как его братья Иосиф и Махмуд становились все умнее и приобретали уважение, а их благородство, храбрость и щедрость возрастали. И если Иосифа и Махмуда уважали

и признавали все, кто их знал и имел с ними дело, то Иезекиля люди все больше боялись и сторонились. Тот, кто однажды приблизился к нему и был им так или иначе наказан, теперь его ненавидел. И хотя Ибрагим сразу притягивал к себе сынов народа Аш-Шама и они приходили к нему спросить мудрости и получить знание или добрый совет, сам он, как ни пытался, не мог переделать Иезекиля, сына своего сына. Каждый новый день Ибрагим только и ждал, что кто-то придет к нему с очередной жалобой. Даже когда в честь какого-нибудь события мальчишки устраивали скачки на лошадях, они приходили звать Иосифа и Махмуда, хотя те были младше, а Иезекиля избегали. Если же Иезекиль сам предлагал кому-нибудь из парней поскакать на лошадях, тот под любым предлогом отказывался, предпочитая позвать для этого Иосифа или Махмуда. Случалось и так, что кто-то по незнанию соглашался померяться с ним силами, но это почти всегда кончалось ссорой, в которой проливалась кровь его или его товарища. Когда проливалась кровь Иезекиля, Ибрагим прощал обидчика, прекрасно зная, кто на самом деле виновник, а если проливалась кровь другого, Ибрагим выплачивал пострадавшему виру, как того требовало право, тем более что жил он со своей семьей на чужой земле, а не на родине, среди соплеменников.

Иезекиль тайно носил с собой веревку с петлей на конце. Если в скачке его обгоняли, он набрасывал аркан на шею коня соперника и дергал, так что петля затягивалась, а конь с

седоком валился на землю, или бил чужую лошадь палкой, или, что уж совсем недопустимо, бил палкой соперника, порой и до крови. И понял тогда Ибрагим, что если Иезекиль будет оставаться в его доме, он враждебно настроит всех в округе, а это, несмотря на всеобщее уважение, непременно скажется и на самом Ибрагиме. Он пребывал в растерянности, но делать ничего не делал.

Затеял было Ибрагим разговор о том, как поступить с Иезекилем, со своей женой Халимой, но та, хотя и знала о его дурном нраве, все же успокаивала мужа:

– Когда он повзрослеет, его характер, возможно, переменится.

Ибрагим возражал, что Иезекилю уже двадцать лет, а это больше, чем было Ибрагиму, когда он женился на Халиме.

– Быть может, он возьмется за ум, когда женится, – настаивала Халима и продолжала, как бы разговаривая сама с собой: – Но кто же согласится за него выйти? Кто согласится отдать за него свою дочь, если дурная слава бежит впереди него?

После долгого молчания и раздумий Ибрагим взмолился, обращая слова свои к Господу:

– Господи, излечи Иезекиля от зла и огради меня от тяжести деяний его! Ты лучше всех читаешь души человеческие и отличаешь добро от зла! Ты один велик и всемогущ!

В один из весенних вечеров, когда все поужинали, Иезекиль спросил своего деда Ибрагима:

– Скажи мне, отец, а богатства на земле и у людей больше сейчас или в былые времена?

– Сейчас. Это потому что людей стало больше по сравнению с тем, что было, например, сто лет назад. Людей стало больше, а значит, и плодов их труда сделалось больше. А поскольку труд – основа богатства, то и богатства, выходит, сейчас больше.

– А почему ты прямо не скажешь, что золота стало больше, ведь с древнейших времен повелось так, что оно служит мерой богатства?

– Я говорю о плодах труда, потому что труд, будь то количественно или качественно, дороже золота.

– Разве?

– Представь себе, что у тебя есть окийя⁵ золота, что ты и дети твои голодны, и ты отправляешься на рынок, но не находишь там лепешки, и то же самое повторяется на другой день и в следующие дни. Разве не кончится это тем, что ты умрешь с голоду вместе со своими детьми, а твое золото останется неизвестно кому?

---

⁵ Окийя – мера веса, равная 12 драхмам или 37,44 г.

– Да, тут ты прав.

– Выходит, труд и есть богатство, и если человек трудится больше другого, если мастерство его будет выше, значит, ценность того, что он сделал, будет выше.

– Если один лишь труд – богатство, то как может посягать один человек на богатства других? – поинтересовался тогда Иезекиль и продолжил: – Разве не ты говорил, отец, что я жаден до того, чем владеют другие? Но разве я жажду труда их? Или все-таки денег? – спросил он и сам же ответил: – Мне нужны их деньги, а не труд. Мне нужны овцы и урожай, лошади, верблюды и коровы, которые им принадлежат.

– Я не говорил, что один лишь труд – богатство. Я сказал, что труд – богатство, чтобы ты лучше понял, что богатство измеряется не только золотом. Ты жаждешь не только собственности других, Иезекиль, ты посягаешь и на их труд, когда, например, не платишь за работу или не платишь цену сполна.

Если мы станем рассуждать так дальше и определять все составляющие, которые формируют человека и оказывают на него влияние, мы, естественно, не ограничимся трудом как единственным источником богатства, но поймем, что это главный источник его формирования. Если перенести центр тяжести людей и государств с их связи с богатством как таковым на связь с ценностью, перед нами окажется более широкое понятие, определяющее, что есть материальное, а что духовное. Тогда получится, что география стран влияет на

их ценность и историю. Влияет также и то, что в недрах и на поверхности их земель, что оставили на ней прежние поколения, влияет готовность народа проявить терпение во времена бедствий и испытаний, его, и прежде всего мужчин, готовность к самопожертвованию.

Но в любом случае основой богатства является труд. А плодов труда теперь больше и в том, что получают государства, и в том, что достается отдельному человеку. Кроме того, труд – это важный критерий отношения верующего человека к жизни, его связи с Господом земным и небесным, ибо Аллах, да славится имя Его, создал эту жизнь для человека, а человека сотворил, чтобы он трудился. Поэтому если кто-то поклоняется Аллаху, но не работает, как ему предписано, значит, не все в порядке с его верой, и неизвестно, примет ли Аллах его поклонение или отвергнет. Особенно если сравнить верующего с тем, кому веры не достает. Если ценность труда верующего, будь то в единицах времени или материально, окажется ниже, чем у того, с кем его сравнивают, это значит, что от маловерного в жизни больше пользы, если, конечно, он не приносит вреда. А поскольку верующий ни за что не согласится с тем, что его ценность меньше, чем ценность маловерного, ему необходимо превзойти последнего, и не только в благочестии и давности своей связи с Господом земли и небес, но и в труде.

Указаний на то, что Аллах, хвала Ему, желал, чтобы человек трудился и становился мастером своего дела, много.

Вероятно, рассветная молитва, самая ранняя в течение дня, означает, что Аллах пожелал от верующего, чтобы он каждый день вставал на рассвете. А поскольку рассветная молитва короче остальных, видимо, Он желал, чтобы человек, проснувшись, принимался за работу. Вот Он и сделал рассветную молитву в такое время, когда верующему положено бодрствовать.

– Но разве люди не стали сейчас есть и одеваться лучше, хоть их число и увеличилось? Чего же в таком случае стало больше – золота или труда?

– Чтобы понять это, лучше всего рассуждать таким образом. Если, скажем, кто-то питается и одевается сейчас лучше, чем когда-то его дед, это еще ничего не значит. Сравнивать внука следует не с дедом, а с современниками, как когда-то сравнивали его деда. А если так, то множество людей во всем мире живет за чертой бедности, в том числе и в тех странах, которые считаются богатыми. Точно так же, в понятиях бедности и богатства, люди и в те времена жили в крайней бедности. А на твой вопрос я отвечу, что да, богатства, в том числе и золота, у людей в разных странах стало больше, чем в прошлом, и труда стало больше, и качество его возросло.

– А как же так получилось, что золота стало больше?

– Его стало больше, потому что число добывающих его возросло и орудия их труда стали лучше и современнее. А раз улучшились орудия труда, стало больше того, что с их

помощью добывают. Добавим сюда и то, что накопить его помогло время. Возможно, что благодарить за то, что у людей и семей копилось золото, следует женщин, ведь мужчинам не свойственна тяга к золоту и его накоплению.

– Означает ли это, отец, что грех женщины, которая копит золото, больше греха мужчины, который его не копит?

– Молодец, сынок! Воистину, кто стяжает золото и не процветает, на том лежит большой грех.

– Но откуда нам знать, не окажется ли доля золота у каждого человека сейчас меньше, чем раньше? Ведь людей, как ты говоришь, стало больше. К тому же добывать его в старые времена, когда оно выходило на поверхность, открывалось руслами рек и потоками дождевых вод было легче, – продолжал Иезекиль.

– На это я ничего определенного сказать не могу, у меня нет точных цифр. А опираться в этом вопросе только на логику мне бы не хотелось, – ответил ему Ибрагим.

***

Ибрагим с внуками говорили о делах дней давно минувших, и хотя в жизни есть немало устоявшихся вещей, суть и смысл которых почти не меняются, есть меняющие воззрения и поведение людей вещи, которые к таковым не относятся. Поэтому, заглянув в далекое прошлое, можно сказать, что облик тех людей и простота их быта позволяют предпо-

ложить, что богатства, а следовательно и золота, было тогда меньше и что доля золота в смысле богатства была выше, потому что, скорей всего, ценность его была в те времена более высокой. А это потому, что другие отличные от золота предметы богатства, которыми когда-то измерялось богатство, имели не ту ценность, что теперь. В наши дни лошадей и верблюдов и даже ослов, коз и овец оценивают совсем не так, как раньше. И даже в общем размере богатства золото занимало более почетное место, чем сейчас.

Немало есть государств, которые имеют золота больше, чем другие, и однако же ценность этих других более высока, а все потому, что ценность плодов их труда выше. Если внимательно взглянуть на предмет, мы обнаружим, что в беднейших странах Африки немало золота и даже алмазов. Но добывают их там под иностранным присмотром, вот и пребывает африканский народ в бедности, а обогащаются вместо него западные государства, так или иначе сделавшие его земли своими колониями.

Потому и привел старик Ибрагим своим детям пример с лепешкой и окийей золота. И каждому, кто задумался о богатстве, золоте и других вещах, которыми можно измерить богатство, должно быть понятно, что богатство, будь то хоть горы и горы золота, не имеет никакой ценности, если жизнь не продолжается. Что такое богатство, будь то в древних понятиях или в понятиях нашего времени, если народ не процветает, если богатство служит не во благо, а напротив, са-

мим низким и разрушительным целям? Разве богатство не порок, если не служит оно во благо? Что имеет тот, кто им обладает, пусть даже платье его и укаль⁶ сделаны из золота, кроме пристойного внешнего вида, когда любой на Бога упо- вающий бедняк может извлекать его в грязи и вид его станет по меньшей мере жалким? Но если извлекать в грязи босая- ка, про него не скажешь, что он жалок или смешон. Кто но- сит золото, кто думает о золоте, кто полагает, что значение и влиятельность человека в жизни определяются золотом, ста- нет бессильным и слабовольным, утратит терпение и вынос- ливость. Поэтому, если кто-то свалит его в грязь, как сле- дует ударит или начнет помыкать, положение такого челове- ка станет глупейшим. А если кто-нибудь с нами не согласит- ся, пусть внимательно взглянет на тех, кто живет на нашей просторной арабской земле, в нашем обществе, но словно неживой. Каждый найдет себе пример, начиная с городского квартала, в котором он живет, и кончая деревней, где он жил когда-то или проживает по сей день. Аллах сотворил пред- меты богатства для человека, для того, чтобы оно облагоро- дило человека, а не унизило, укрепило его, а не ослабило. А чтобы богатство облагородило и укрепило человека, оно должно быть получено благопристойными путями и служить во благо, чтобы Аллаху это было угодно, а не в угоду шайта- ну и эгоистическим целям. Когда богатство получено честно и служит во благо добрых людей и тому, что угодно Богу, оно

---

⁶ Укаль – шерстяной шнур, удерживающий на голове платок.

будет передаваться и сохраняться как бы само собой, появляться тут и там, беречься и умножаться и не станет пороком для его обладателей, не будет тяготить их днем и ночью, идут они или сидят, спят или бодрствуют, не станет предметом слабости и унижения, предметом стыда им обладающих, когда гонимы они будут бедняками и Аллах отвернет от них Свой лик.

– А когда мужчина владеет золотом, пап, и стяжает его, в глазах людей он становится чем-то вроде женщины? – прервал Иезекиль рассуждения деда.

– Вовсе не обязательно, если, конечно, он не утратил свои мужские качества и черты. А почему ты спросил про это?

– Скажу тебе, отец, ей-богу, стоит только кому-то сказать про золото, как у меня сердце колотится, словно шальное. Меня не волнуют все те богатства, о которых ты рассказал, и ни что другое, если нет возможности превратить их в золото. Мысль эта не дает мне покоя с тех пор, как я впервые побывал с матерью на вавилонском рынке и увидел там золотых дел мастеров. Я видел их лавки, набитые золотом, видел хорошеньких женщин, которые заходили в эти лавки и примеряли украшения, видел, как они смотрятся в зеркало, соображая, стоит ли им купить то, что понравилось. Лишь немногие мужчины появлялись там, чтобы украсить драгоценными камнями рукоятки и ножны своих мечей. Если бы я не боялся, что ты рассердишься, то давно бы уже пошел туда, чтобы выучиться на золотых дел мастера. Вот я и хо-

чу спросить тебя, дед, – он впервые назвал его дедом, как бы давая тем самым понять, что уже возмужал и способен самостоятельно принимать решения, – разве не ты говорил, что основой и сутью любого богатства является труд? Я же тебе скажу, что основа богатства – золото. Чтоб не противоречить твоим наставлениям и вместе с тем приблизиться к предмету моего поклонения, скажи мне, дед, почему бы нам не сделать изваяние нашего Бога из золота и не поклоняться Ему? Тогда у нас будет много золота, и символ мирской силы соединится с нашей верой.

– Ты говоришь, предмет твоего поклонения – золото, сын мой? И ты желаешь возвести золото, которое тебя поработило, в степень Всевышнего? Превратить великого Аллаха в идола в угоду своим желаниям? Ступай прочь! – воскликнул Ибрагим и хотел уже ударить внука палкой.

Но Иезекиль со смехом выхватил палку из рук деда:

– Успокойся, дед, не сердись. Быть может, я не нашел нужных слов, но, Богом клянусь, стоит кому-нибудь упомянуть о золоте, как я теряю рассудок. Но если бы я не любил Аллаха, разве расщедрился бы я на его образ из золота? Разве моя щедрость не говорит о том, насколько я люблю Господа? – эти слова Иезекиль произнес как бы подавляя внутри себя смех, потому что он знал, что задумал это не для почитания символа, а единственно для стяжания золота. Потом, повернувшись к сидящим рядом Иосифу и Махмуду, добавил:

– Если бы дед наш со мной согласился, хотя мне прекрас-

но известно, что он этого не одобряет, я бы в кратчайший срок собрал огромное богатство. А знаете, как бы я это сделал? Я призвал бы весь народ Аш-Шама и Ирака, прибегнув к имени деда и вере его, и каждый вложил бы в это изваяние по мере своих возможностей. И тогда у нас появилась бы огромная статуя из золота, – говорил Иезекиль, и всем, кто слышал, как он произнес эти слова, казалось, что он сливается со своих губ мед. – А за обход вокруг нее я собрал бы целое состояние, ведь это будет моя статуя. Но вы не волнуйтесь, я и с вами готов поделиться.

Его братьям, судя по всему, идея пришла не по вкусу.

– Ну и оставайтесь в своей вере, а я буду в своей, – бросил он насмешливо, а потом вновь обратился к деду:

– Разве не лучше работать с золотом, чем поколение за поколением пасти овец, верблюдов и коз, чем нынче мы с сыновьями моих дядей и занимаемся? – Он впервые назвал сыновьями моих дядей тех, кого раньше называл братьями, как будто решил отгородиться таким образом от дома и его обитателей.

– Поступай, как считаешь нужным, – посмотрев на него, сказал Ибрагим. – Ты стал мужчиной, ты сам можешь решать свою судьбу. Я лишь хотел бы, чтобы вы жили как три брата в этом доме, следили за тем, чем владеете, верили в Аллаха и боялись Его. Богатство ваше велико, и главное в нем – наша репутация среди людей, покорность людей нашему призыву верить в Господа милосердного, единого, вечного. Благо-

словение их – в покорности нам после Аллаха, Ему вверяют они свои души.

– Если не желаешь, чтобы я с вами расстался, дед, позволь мне самому выбрать ремесло, которым я буду заниматься, и то богатство, к которому буду стремиться, – сказал Иезекиль.

– Тебе решать, сын мой.

Понял Ибрагим, что Иезекиль задумал жить в своем доме и отделить собственность своего отца от общего состояния, то есть иметь своих собственных овец, верблюдов и коз. Отделил тогда дед его часть скота согласно закону своей веры. И с того дня стал Иезекиль жить на той же земле, что и все, но в отдельном шатре, а Махмуд и Иосиф остались в доме Ибрагима с Халимой.

Но если Иосиф и Махмуд, направляемые своим дедом, пасли стада и руководили пастухами, охраняли скот от набегов и оказывали должный почет гостям, то Иезекиль избрал для продолжения жизни другой путь. Он тут же продал тех верблюдов, овец, лошадей и коз, что выделил ему дед, и перевел все в звонкую монету. Ирак был первой страной, в которой чеканили монеты, в том числе металлические, ведь он – древнейшая страна и древнейшая цивилизация. А переведя все, что он имел, в золото, Иезекиль стал приходить в дом своего деда, прижимая к груди мешочек с монетами и нащупывая его рукой так, словно ожидает от него благословения. Даже во время молитвы он клал мешочек перед

собой, будто бы ему молился. Когда Иезекиль встречался с сыновьями дядей своих, он показывал им золото, монету за монетой, как будто старался увлечь их на свой путь. Достав монету, он вдыхал ее запах, потом тер пальцем, прежде чем передать одному из парней, остерегая его при этом, чтобы он ее не уронил. А когда те удивленно спрашивали, что случится с монетой, упавшей на пол, ведь она из металла, Иезекиль, посмеиваясь, отвечал:

– Если она будет часто падать на пол или если долго ее тереть, она может потерять в своем весе. Видите, я кладу монеты в мешочек из тонкой ткани, а не из козлиной или овечьей шерсти. Это потому, что козлиная и овечья шерсть грубы. Я боюсь даже, что монеты могут потерять в весе, стучаясь друг о друга, но пока еще не придумал, как лучше их сохранить.

Иезекиль не вынимал из мешочка следующую монету, пока не возвращал ту, что давал посмотреть. Но братья чувств его не разделили.

Иезекиль не принимал гостей, оправдываясь отсутствием в его доме женщины, которая готовила бы еду. А если отказать кому-то было совсем уж неловко, он вел его в дом деда, чтобы там ему оказали должный прием.

***

Телосложения Иезекиль был некрепкого, нос его был загнут крючком, и весь облик довольно безобразный. Борода,

болтавшаяся без присмотра, срасталась с усами с обеих сторон, но была жидкой, с проплешинами. Вместо привычного всем платья он носил, на манер жителей гор, штаны и никогда не покрывал головы. Когда братья спрашивали, почему он ходит с непокрытой головой, он отвечал, что лишние траты ему ни к чему. С того дня, как Иезекиль переехал из дома деда, голова его оставалась непокрытой. Обычный головной убор он заменил круглым кусочком ткани, напоминающим небольшую плоскую медную чашку для питья воды, которая едва держалась у него на макушке. Когда спрашивали, почему Иезекиль не сделает так, чтобы ткань прикрывала все волосы, он говорил, что и этого достаточно, нет повода для расточительства. Ветхая заляпанная одежда стала обязательной частью его внешнего вида. В доме его не было ничего, кроме одного ковра, подушки и накидки из шкур, которую он надевал зимой и которой укрывался ночью. Если в доме Ибрагима Иезекилю подавали жирную пищу, он, отведав ее, не мыл руки, а вытирал о свой балахон, а когда его спрашивали, почему он не моет руки, он отвечал, что жир делает кожу мягкой и от этого одежда будет служить дольше. Еще в доме Иезекиля был ковш для воды, заляпанный со всех сторон, и крохотный бурдюк, из которого едва мог напиться один человек. Он не готовил в своем доме и не нанимал прислугу, а приходил обедать к Ибрагиму. Вероятно, это и стало причиной того, почему поселиться он решил неподалеку. К тому же близость давала ему и защиту: всеобщее уважение и лю-

бовь людей к Ибрагиму позволяли Иезекилю не опасаться за золото. Несмотря на это, засыпал он прижав мешочек с золотом к животу и никуда без него не ходил, даже в дом деда, хотя следует сказать, что кроме дома деда ему и ходить-то было некуда.

***

Иезекиль занялся кузнечным делом, которое арабов тогда не привлекало, так что конкуренции он не опасался. Сначала он подковывал лошадей. Когда становилось известно, что на площади пройдут скачки или состязания всадников в честь какого-нибудь торжества, он отправлялся собрать мелких камней или наколоть крупные на острые словно лезвие части. Потом пробирался тайком на площадь и рассыпал осколки так, чтобы лошади в ходе скачки повредили бы копыта, а их хозяева вынуждены были бы обратиться к нему, чтобы он подковал их питомцев. Будучи единственным кузнецом в округе, Иезекиль запрашивал довольно высокую цену, а подковы ставил не очень надежно, чтобы хозяева лошадей вскоре снова пришли к нему. Так вот и вырос спрос на Иезекиля, а вместе с ним и его благосостояние.

Поправив свое положение, Иезекиль занялся изготовлением мечей и кинжалов, а вскоре взялся отливать украшения. Начав мастерить мечи и кинжалы, он стал поощрять стычки между племенами, чтобы племя шло на племя и

нуждалось в новых запасах копий и стрел, мечей и кинжалов, щитов и доспехов. Расширив свое производство, Иезекиль стал нанимать работников, но так, чтобы каждый владел только частью ремесла и не мог бы без помощи Иезекиля произвести на свет готовый предмет. Пока Иезекиль плел сеть наемников, сеявших слухи, склоки и стихотворные пасквили на старейшин разных племен, разжигая и подогревая конфликты и стычки, чтобы наполнить свой карман, Иосиф с Махмудом учились у Ибрагима мудрости и твердости веры в себя и свои способности. Покорность деду и выполнение всего, что бы он от них не потребовал, стали для них вратами к великой вере в Аллаха единого и единственного. С таким же трепетом и уважением, как к деду, по положению ее и заслугам, относились они к своей бабке Халиме. Росло уважение к ним у людей, и когда приходили в их дом спросить у деда совета в делах веры или мудрости для решения житейских вопросов, а дед видел, что Иосиф с Махмудом способны решить этот вопрос, он отправлял просителя к ним. Дед хотел научить их всему, что знал сам, чтобы они сохранили и передали его знание тем, кто возлагает свои надежды на них и последует за ними, после того как сам он отправится в мир иной. А внуки, дав очередное толкование или наставление, приходили к деду, чтобы поведать ему о своих решениях и получить от него, как и положено, одобрение или поучение.

Было это на следующий год после того, как Иезекиль стал отливать украшения из золота и серебра. Время было весеннее, а у кочевых народов тех времен, как и у некоторых из них в наше время, в отличие от оседлых народов, принято было в поисках воды и пропитания перекочевывать с места на место. Снялся с места и Ибрагим с женой своей Халимой и внуками Иосифом и Махмудом. Иезекиль же следовал за ними и селился там, где они разбивали шатер. Так они и передвигались, пока не случилось им остановиться в землях большого племени, шейх которого был благородным, мудрым и смелым человеком. С того дня стали они кочевать и селиться вместе с этим племенем. На стоянке они не разбивали шатер до тех пор, пока шейх собственноручно не воткнет копьё в землю, указав тем самым, где должен стоять дом Ибрагима. Сам шейх ставил свой шатер неподалеку от шатра Ибрагима, чтобы обеспечить ему защиту и позволить свободно нести тому, кто уверует, послание единобожия и веры в Аллаха единого и единственного.

Так кочевал Ибрагим между Евфратом на востоке и страной Аш-Шам и ее морем на западе, а также в других землях Аравийского полуострова к югу. Как-то, когда весна уже приближалась к концу, Ибрагиму случилось кочевать с тем племенем, с шейхом которого он побратался. И вот на сто-

янке, когда Ибрагим осматривал место, что шейх отвел ему для шатра, он обнаружил копье воткнутое в муравейник. По законам племен того времени это было знаком того, что в племени его видеть более не желают. Страшная обида обурывала Ибрагима, который знал, что шейх слов своих на ветер не бросает. Но если ни Ибрагим, ни его жена не сделали ничего, что оскорбило бы шейха или любого из членов его племени, и неизвестно ему, чтобы кто-либо из трех его внуков, включая Иезекию, сделал что-нибудь предосудительное, значит, что наделал дел кто-то из внуков тайно. А что еще, если не тайная связь с женщиной, способна заставить юнца оступить и подмешать гнили в его целомудрие? Хотя и подозревал Ибрагим, что недостойное деяние совершил Иезекиль, он все же решил дознаться, действуя не впрямую. Поскольку согласно традиции старший в семье приходит на место стоянки первым, Ибрагим повернул обратно и побрел навстречу семье. А когда сыновья и жена увидели, что возвращается он не такой, как обычно, они окружили его и стали расспрашивать:

– Все хорошо, отец?

– Слава Богу, все хорошо, Ибрагим? И только Иезекиль спросил:

– Что-то случилось, дед?

– Все хорошо, если Господу так угодно. Но я подумал, что нам следует сменить направление и повернуть назад. Где-то на середине пути мы остановимся и решим, куда двигаться

дальше. Быть может, вернемся в Ирак к середине Евфрата, где народ наш, а может, направимся в Хиджаз.

Иезекиль готов был уже поспорить о том, куда им идти, но по тому, как вели себя Иосиф и Махмуд, понял, что в одиночку оспорить решение деда не удастся. Всем было ясно, что Ибрагим не оставил бы племени, не найдись на то серьезной причины. Не понял этого лишь Иезекиль или не захотел понять, не желая терять выгод своего ремесла вдали от многолюдного племени и идя на поводу у жадности.

Позвал Ибрагим детей троих своих сыновей и уединился с каждым по очереди, начиная с младшего, Махмуда, которому он сказал:

– У брата нашего Мусаба, шейха племени, есть прелестная дочь, способная вскружить голову любому. Ты не приближался к ней? Ты не мог ее соблазнить? Она красива и достойна тебя, а ты достоин ее, как никто другой.

Махмуд вздрогнул, глаза его покраснели и чуть не вылезли из орбит, а рука потянулась к рукояти меча. Его охватил гнев такой силы, что он на мгновение забыл, что разговаривает со своим дедом Ибрагимом.

– Какой позор! Да разве мог хоть кто-то из нас сделать такое? Как ты можешь говорить мне такое, если отец девушки твой брат? Ведь он опекал нас, позволил свободно выражать свои мысли, он защищал нас! Богом клянусь, не будь ты мне отцом и знай я, что ты уверен в своем предположении, я бы принял решение, не угодное мне самому и уж точно не при-

ятное для тебя, и расстался бы с тобой в этот же день, а Господь наш милостивый, Он простит.

– Прости, сынок, и ступай. Никому не рассказывай, о чем мы тут говорили, а если станут спрашивать, придумай что-нибудь, но про то, что я тебе сказал, молчи.

Махмуд обещал это и вышел, а за ним вошел Иосиф. Когда услышал он от отца те же слова, ответ его был под стать ответу Махмуда. Настал черед Иезекиля, но, прежде чем позвать его, Ибрагим еще раз поразмыслил о случившемся:

– Думаешь, постыдный поступок совершил Иезекиль? Думаешь, это он очернил лицо наше и честь в глазах порядочного человека, шейха племени, брата нашего Мусаба? Мать его – женщина добродетельная, дочь благочестивого человека, отец его – сын мне, и в матери его я уверен. И в себе я уверен, и в чистоте Халимы, так откуда же эта негодная порода? Может быть, от кого-то из его дядьев? А может, от кого-то из наших дядьев? – последнее он произнес уже совсем неуверенно. – Но разве мог шейх опрометчиво приписать нам такое деяние? Он благоразумный и мудрый человек. Ему известны права Господа и людей, а также свои обязанности по отношению к людям и Господу. Он любит и ценит меня и не может опрометчиво бросать такого рода обвинения и без особой причины так обходиться с нами. Позову этого проклятого, тогда все станет ясно.

Позвал Ибрагим Иезекиля, не найдя ничего предосудительного в поведении Иосифа и Махмуда, и повторил ему все то, что говорил его братьям. Иезекиль же счел знаком особого своего достоинства, если он прямо расскажет деду о том, что случилось.

— Знаешь, дед, почему я перечил тебе, когда ты вернулся от ее отца и объявил, что мы меняем направление, возвращаясь туда, откуда пришли?

— Не знаю, и даже в голову не приходит.

— Дочь благодетеля нашего не раз бывала у меня, интересовалась разными украшениями. И вот зашла она как-то узнать, придется ли одно ожерелье ей впору. Тут я и попытался ухватить ее за грудь, но она вырвалась от меня. А служанка ее тем временем дожидалась снаружи. Тогда я нагнал девушку у выхода из шатра, обхватил одной рукой, а другой зажал ей рот и потащил в дальний угол. Я готов уже был совершить задуманное, потому что знал, что теперь, опасаясь позора разоблачения, она вряд ли осмелится звать на помощь, однако девушка взмолилась и поклялась, что завтра сама придет ко мне. Но не это остановило меня, а голос служанки снаружи, торопившей ее домой. Пришлось согласиться отсрочить задуманное в надежде продолжить его сегодня. А сегодня я вдруг узнаю, что мы уходим, вот и не одобрил

твоего решения. Лучше бы я пошел вместе с ними и получил наконец то, что желаю.

Когда Ибрагим услышал историю Иезекиля с дочерью их хозяина, шейха племени, земля словно ушла из-под его ног. Он вскочил со своего места и с такой силой ударил Иезекиля, что у того из носа пошла кровь. Потом закричал, призывая на помощь Иосифа и Махмуда, и когда они явились, велел связать Иезекилю руки и наказал им:

– Убейте его, если будет сопротивляться.

Иезекилю стало ясно, что дело серьезное, поэтому он позволил себя связать, не помышляя о сопротивлении. Потом Ибрагим велел привести свою лошадь и осла, чтобы везти на нем негодяя. И еще велел принести ему лук и меч. Подпоясавшись мечом и повесив за спину колчан со стрелами, он взял лук в руку, чего не делал уже очень давно, ведь мудрецу и наставнику своего народа к помощи лука прибегать незачем. Но на этот раз он решил его прихватить, опасаясь, как бы Иезекиль не бежал по пути к шейху.

Иезекиля посадили на осла, и тот потрусил в сторону каравана почтенного шейха. Ибрагим взобрался в седло и поехал вслед за ослом, подгоняя того, если он упирался, палкой. Как только вдали показались очертания шатра шейха в окружении шатров его племени, Ибрагим увидел, как от них отделился всадник и на всем скаку помчался к нему.

Узнал Ибрагим серой масти кобылу, а по осанке всадника понял, что это друг его.

– Видимо, кто-то предупредил его, что я еду по следу и везу кого-то на осле, – решил Ибрагим. – Видимо, сообразил он, что я догадался, по какой причине решил он расстаться со мной и воткнул на стоянке копье в муравейник, давая тем самым понять, что не желает моего соседства. Шейх отправился мне навстречу, чтобы в племени не узнали о моем визите, потому что, если они о нем узнают, шейху сложно будет себя вести, и тогда, согласно обычаям племени, да и всех арабских племен, слово его будет жестоким: смерть посягнувшему на честь женщины против ее согласия и смерть обоим, если согласие было взаимным.

Приблизившись к Ибрагиму, шейх соскочил с седла, вслед за ним спешил Ибрагим. И тут, вместо того чтобы протянуть Ибрагиму руку или сказать приличествующие случаю слова, шейх заключил его в объятия, осыпал его поцелуями в лицо, лоб и шею и, всхлипывая, произнес:

– Прости, брат, ты для нас образец мудрости, а теперь я еще больше уверился в том, что ты эталон справедливости, с которой ты призывал нас судить и устраивать нашу жизнь. Я так и знал, что ты поймешь, что оттолкнуло меня от тебя. Я был уверен, что ты утетишь меня и восстановишь справедливость, потому что мне прекрасно известно, что ты живешь в угоду Аллаху. С тех пор как арабы вняли твоим законам и пошли по твоим стопам, ты творишь справедливость по отношению к людям, и люди должны воздать тебе справедливостью. Ты поступил, как я и думал, потому что не со-

мневался в том, что ты воздашь мне по справедливости и обелишь мое лицо. Но прошу тебя, брат мой, пример мой и пример для всех нас, не поедем туда, где собралось племя. Давай решим наше дело здесь, только ты и я, и не скажем им, что случилось.

– Мне стало известно все, – заговорил Ибрагим, – и я доставил тебе негодяя живьем, чтобы ты убил его вот этим мечом.

Ибрагим достал меч из ножен и вложил его в руку шейха. Шейх, не сводя глаз с Иезекиля, несколько раз встряхнул меч в руке и сказал Ибрагиму в ответ:

– Я свое получил, брат мой и пример для подражания. Я отпускаю его и не стану его убивать. Пусть наказание станет делом Господа твоего, Ибрагим. Но я прошу тебя, оставь мне этот меч и гоните с сыновьями Иосифом и Махмудом отверженного сего. Я убью его этим мечом, если он когда-нибудь мне попадется. Даю ему день и ночь, чтобы убраться.

Принял Ибрагим все пожелания шейха, потом обнялись они и, сдерживая рыдания, разъехались.

***

Ибрагим, не мешкая, прогнал негодяя Иезекиля. Он дал ему одного верблюда, чтобы везти шатер и орудия ремесла вместе с принадлежавшим ему золотом в кошельке, велел держаться подальше и сказал, что Иосиф и Махмуд убьют

его, если он попадется им на глаза. И то же самое случится, если по истечении дня и ночи он попадется на глаза своему должнику, шейху племени, его сыновьям и любому мужчине из их племени. Всем племенам в округе было объявлено, что Ибрагим с внуками отреклись от Иезекиля и изгнали его из-за размолвок в вопросах веры и жизни, а также из-за его дурного нрава.

***

После ухода Иезекиля зажил Ибрагим с женой и внуками своими Иосифом и Махмудом счастливо и спокойно. Шло время, и все шире и глубже становилась любовь к ним людская, и множилось число идущих к ним спросить мудрого совета в вере или житейских делах.

***

В октябре, когда деревья сбрасывают свой летний наряд, трава высыхает, и животным остается ее на пропитание самая малость, да еще остатки семян. Есть среди растений пустынная трава, именуемая зурейджи⁷ за свой белесый цвет, в котором зеленый слегка разбавлен водянистым. Арабы не очень-то разбираются в оттенках и после белого с черным

---

⁷ Синеватая, имеющая синеватый оттенок.

ищут в предметах такие основные цвета, как красный и желтый, зеленый и синий, и цвета ореха. Тем не менее растение это прозвали зурейджи. Следует сказать, что цветам между белым и черным прежде особого значения не придавали, довольствуясь этими двумя. Другие цвета вошли в жизнь арабов позднее. Другие цвета стали носить мужчины, когда им неудобно было ходить в белом, ведь белый цвет не выносит грязи и не любит работу. Не переносит он и цвета крови, если, например, воин получил в бою рану. Кто духом слаб, тому на войне лучше одеться в черный или в другие цвета, ведь сохранить в чистоте белый ему не удастся. Слабый не сможет гордиться им, обгаренным праведной кровью, которой гордится его народ, если она пролита за справедливость.

***

Пастухи часто собирали семена зурейджи, солили их, предварительно вымочив, жарили на сковороде без масла, а потом ели просто так или с финиками, привезенными из Ирака, но в этом случае уже не солеными. Еще семена вываривали в воде. Тогда из них выделялось масло, похожее на белое молочко, из которого делали тюрю. Конечно, в доме Ибрагима подавать такие кушанья было не принято, потому что овец, коз и верблюдов в его стадах было множество.

После ухода отверженного дожди полились как из ведра, а овцы стали давать приплод дважды в год.

Сказал Махмуд, обращаясь к деду:

– Знаешь, отец, с тех пор как нас оставил Иезекиль, добро дождем изливается на нас после долгих засушливых лет и месяцев. Даже овцы стали плодиться два раза в год!

– Да, сынок, добро это явил в нашем мире Аллах, но еще большее добро ждет того, кто трудится праведно, в мире ином, где примет его Господь милосердный.

– Веруем в Господа нашего. Нет Бога, кроме Аллаха. Аллах велик! – в один голос проговорили Махмуд, Иосиф и Халима. Добрая, потом заговорил Иосиф:

– Я заметил, что Иезекиль окончательно испортился после своего долгого пребывания в Вавилоне, где наслушался рассказов потомков тех, кого невольниками привели туда вавилоняне. Он сам мне об этом рассказывал. Среди них много священнослужителей из числа тех, что были взяты в качестве пленников. В те времена им было запрещено выходить за городские стены. Иезекиль говорил, что они знают толк в религии и обучились в Вавилоне волшебству и что они – потомки пленников, которых пригнал Навуходоносор. Предки их, как объяснил Иезекиль, жили в землях по соседству с нашими. Земли те, издавна принадлежавшие стране Аш-Шам, были отобраны ими у населявшего их народа, а потом они расширили свои территории за счет соседей. Так что, когда Навуходоносор пошел на них войной, разрушил их храм и пленил вождей, никто из соседей не поспешил им на помощь. Напротив, говорил Иезекиль, соседние народы, насе-

лявшие Аш-Шам, приветствовали то, что сотворил с ними Навуходоносор.

– Почему же, – обратился к Ибрагиму Иосиф, – народы соседних земель остались такими безразличными, когда их завоевал Навуходоносор? Почему они всячески помогали ему в этом?

– Народ этот, насколько мне известно, отмечен особым эгоизмом и всегда стремится использовать тех, с кем соседствует или среди кого проживает. К тому же по отношению к соседям он предпринимал раньше захватнические и агрессивные действия. Поэтому часто случалось так, что народы, делившие с ним земли или проживавшие по соседству, ничего, кроме ненависти, к нему не испытывали. Ко всему прочему племена Аш-Шама – это арабы, сын мой, и племена Вавилонии тоже арабы, а когда кровь одна, чувства тоже общие.

– До путешествия Иезекиля в Вавилон я во многом с ним не соглашался, но, когда он вернулся оттуда, мы уже не могли прийти к согласию ни по одному вопросу. Он словно другую веру принял. И толкование им ниспосланного Всевышним по меньшей мере не соответствует твоему учению. Он далеко ушел от тех основ, которым ты нас обучил и которым велел следовать во имя веры истинной. Эти расхождения особенно заметны, когда он наставлял тех, кого ты присылал к нам за советами в делах веры и мудрости. Я пытался его поправлять, но он только кричал на меня и не желал ничего слушать, так что приходилось молчать, ведь он старше меня.

Моя ошибка, что я не рассказал тебе обо всем сразу. Я боялся, что между вами возникнет раздор, и к тому же надеялся, что он одумается и вернется на путь истинный, но вместо этого он совершил свой бесчестный поступок с дочерью шейха, обидев доброго, благородного и отважного человека.

– Да очернит Аллах лицо его в этом мире до перехода его в мир иной за то, что своими делами он осрамил нас перед людьми, – помолчав немного, добавил Иосиф, и все промолвили в один голос:

– Господь двух миров, да будет так!

– Я тоже, отец, – заговорил Махмуд, – во многом не соглашался с Иезекилем в его толкованиях и в тех советах, которые он давал в мирских и божественных делах. Разве так должно быть, отец, или ты думаешь по-другому? Ибрагим принялся разглядывать звезды. Ночь только начиналась, и все они сидели возле шатра. Стояли первые дни октября, десятого месяца, но все уже были в меховых жилетках. Такая жилетка доходила до пояса или чуть ниже, в отличие от зимних меховых одежд, которые были с рукавами и в длину доходили почти до земли. Этими одеждами часто накрывались ночью, особенно если приходилось спать в одиночестве. Только Халима всегда оставалась в меховой поддевке без рукавов, чтобы они не стесняли ее в работе по дому. К тому же ее место пребывания обычно домом и ограничивалось.

Первые дуновения холода десятого месяца заставили их кутаться в мех, но это была еще нежная прохлада, и все на-

слаждались ей, возвращаясь в шатер только поспать. Тому же, кто отваживался спать на улице, уже не обойтись было без покрывала.

Когда пришел второй месяц осени, приближение холода объявило о скорой перемене погоды. Глаза Ибрагима блуждали по небу, словно он искал ответ на вопрос Махмуда у Аллаха. Ибрагим будто бы взирал на величие законов Господа, глядя на небо, которое Аллах возвысил без опор и украсил звездами, указующими путь и побивающими чертей. Потом взгляд его перешел на овец с верблюдами, оглядывая блага, которыми Аллах одарил человека, и наконец он заговорил голосом, исполненным уверенности и веры:

– Главное то, сын мой, что мы веруем в Бога единого, Аллаха, да славится имя Его и да крепнет Его могущество. Господь Он наш и Создатель, и нет другого бога, кроме Него. Ему все чаяния и все деяния наши, Ему одному мы поклоняемся, и никому другому. Поэтому мы призваны вершить справедливость, быть правдивыми в словах и делах, отвергать ложное и идти, пребывая друг с другом в мире, по земле, созидая на ней, а не разрушая. Следуйте законам нашим и помните то, чему я научил вас словом и примером. И когда придется вам самим выносить решения, следите, чтобы они были свободны от пристрастий и исходили из того, что обусловлено жизнью и предписано верой. Не следует прокладывать новый путь среди путей проторенных, чтобы вступивший на него не принял вдруг ложь за правду, не подменил и

не искажил вечных истин. Чтобы не овладели им беспокойство и страх, чтобы не победили его слабость и лицемерие, чтобы не поддался он гневу или желанию навредить ближним. Чтобы уповали вы при этом прежде всего на Аллаха одного и единственного. Искренние и благие цели и намерения – вот что в этом деле решающее. Нужно жить честно и проповедовать честность, устанавливать справедливость, совершить, кому это по силам, хадж к дому Аллаха, и тогда Аллах мудрый и всемогущий одарит вас благополучием.

Ибрагим снова погрузился в созерцание окружающей их природы. Потом встал и, призвав Халиму и детей последовать его примеру, сотворил молитву.

После молитвы Халима подала к столу что Аллах послал им из дикой птицы, которую Махмуд сшиб палкой и стрелами, состязаясь в охотничьем мастерстве с пастухами.

Отужинав, решили, что пора бы разжечь костер. На ясном ночном небе ярко горели звезды. Их легко было различить глазом и, казалось, можно было до них дотянуться. Махмуд и Иосиф стали соревноваться, называя звезды, а Ибрагим поправлял их, если они ошибались, или рассказывал о звездах то, чего они еще не успели узнать.

– А разве не лучше будет, отец, если ты проведешь между нами границы? Проведи их между мной и Иосифом, чтобы каждый знал пределы того, в чем определено ему призывать людей. Начнем с арабов. К востоку от нас Ирак, неподалеку Аш-Шам, дальше Хиджаз, Неджд и Йемен. Разве не луч-

ше будет, дабы исключить взаимное вмешательство, чтобы ты указал каждому из нас, в каком направлении действовать, чтобы он знал, куда направить свои стопы? – спросив разрешения, обратился к деду Махмуд.

– Ты прав, и вот мое слово, – отвечал Ибрагим, – народы Неджда и Хиджаза, Йемена и Ирака, кроме Ниневии, – это твоя доля, Махмуд, а Ниневия в Ираке и вся земля Аш-Шам, кроме земли Аль-Джазир, что прилегает к Ираку, – это доля Иосифа. Но помните, что разделение это символическое и не окончательное, разделение временное, а не на веки вечные. Оно указывает вам не различия, а лишь то, в каком каждому двигаться направлении. Какие бы ни случились между вами размолвки, пусть решение будет в соответствии с моим законом и в угоду Господу милосердному. Вы ведь двоюродные братья, и всегда помните об этом. Гоните от себя зло и зависть, гоните шайтана из сердец и умов, остерегайтесь пристрастий и сторонитесь чар чужеземцев, особенно их понимания веры. Опасайтесь Иезекиля, как бы не запятнал он вашу веру проявлением жадности и пристрастия и не искажил пути вашего.

– Ты говоришь: избегайте чар чужеземцев, – это я понимаю, но как ты объяснишь, что значит их понимание веры? Разве вера твоя и законы – не для всех людей на земле? Или они предписаны только нашему народу?

Ибрагим, улыбаясь, вглядывался в лицо Махмуда.

– Да, сынок, вера наша и законы для всех людей, но осно-

вой для них стал наш народ. Так пожелал Аллах, хвала Ему, поэтому то, что возникло в духе своем и форме – это и есть главное. И когда мы направляемся с призывом к человечеству, какие бы ни открывались пути перед нами и идущими за нами поколениями, которым мы оставим веру в наследство, мы всегда должны возвращаться к ее основе и началу. Что созрело в сосуде народа, что стало плодом его совести и ума, пусть будет нашим компасом, когда мы пойдем к другим народам, пусть станет основой для решений и толкований, потому что другие народы примут веру из наших рук и мы будем для них хранилищем ее тайн, ее пульсом, ее духом и живым примером у ее истока. Расширится перед нами горизонт, уводя далеко-далеко. И народы, стоящие на убеждениях, не имеющих божественного начала, которые лишь верования, рожденные их желаниями или гениями, чтобы, объединив эти народы в одно целое, провести их через века к тем целям, что избрали они для себя, уверовав в истины, к которым мы их призываем, отойдя от прямого нашего наставления, смешают прежние свои верования с новой верой. Будут множиться поколения, а с ними и новшества, что-то будет изменено жизнью, что-то изменят их правители, а то, что унаследовали они из своих традиций и верований, станет основой их веры и обрядов. Учение же новой веры станет только их частью, а не догмой, отменяющей все остальное. Опасность в том, сын мой, что, повинаясь стремлениям, они отойдут от прямого наставления для правоверных арабов, и

тогда вера их станет новой верой, хотя и будет называться по имени нашей веры.

– Спасибо, отец мой, теперь понятно.

– Как-то встречал я людей из страны румов⁸. Встретил я их идущими с караванами в Ниневию из земли Аш-Шам и предложил им нашу веру, хотя они чужеземцы и из чужих племен. Правильно ли я тогда поступил? – спросил Иосиф.

– Правильно, Иосиф, ведь вера наша для всех, для арабов и чужеземцев, будь их кожа белой или черной, смуглой или желтой, как в Китае и с ним по соседству. Но только помните оба, что я только что говорил Махмуду. Это касается вас обоих, если каждый пойдет своей дорогой, начав с пути главного и единого.

– Да, отец, мы запомним твои слова. Но ты впервые заговорил об этом.

– Ты прав, об этом я говорю впервые. Но не потому, что Махмуд спросил меня только сейчас. Я все равно сказал бы об этом, если не сегодня, то завтра или послезавтра, потому что призыв наш, доселе ограничивавшийся землями арабов, теперь обращен к народам и землям за их пределами.

***

С того дня каждый из них знал границы для своей дея-

---

⁸ Рум – восточное средневековое название Византийской (Восточной Римской) империи и прилегающих областей.

тельности, и каждый принимал и наставлял идущих к нему, как было и прежде, как повелел им Ибрагим. И отправлялся каждый из них по деревням и стойбищам племен или на пути зимних и летних кочевий между землей Аш-Шам и другими областями земли Аллаха.

***

Иезекиль обосновался в племени, соперничавшем с племенем его должника, благородного шейха. Между новым его пристанищем и землями, в которых кочевало племя шейха и где осталась семья его деда, лежало Мертвое море. И едва он поселился в том отдаленном племени, которое мы назовем племенем аль-Мудтарра, тогда как племя доброго шейха – племенем аль-Мухтара⁹, как тут же между двумя племенами стали возникать и разгораться раздоры. Чтобы прибыльно сбывать свой оружейный товар, Иезекиль стал натравливать племя на его соседей, побуждать их брать добычу, чтобы они могли расплатиться за его товар и чтобы те, у кого не было денег, могли купить у него для своих женщин золото и серебро.

---

⁹ Мудтарр (араб.) – принужденный, не имеющий свободы. Мухтар (араб.) – выбирающий, имеющий свободу выбирать. Соответственно, племена аль-Мудтарра (принужденное или не имеющее свободы выбора) и аль-Мухтара (имеющее свободу выбирать и отдавать предпочтение) как названия племен, данные автором, упоминаются далее в арабском варианте.

Козни Иезекиля подкреплялись стихами и пасквилями, сочинявшимися ему за деньги и оскорбительными для шейха племени аль-Мудтарра и его дочерей. А те, кто их разносил, утверждали, будто слышали их из уст шейха племени аль-Мухтара и его поэтов во время летних и зимних кочевий. То же самое при помощи других, а иногда и тех же самых людей, Иезекиль проделывал с шейхом племени аль-Мухтара, рассказывая ему и людям из его племени о соседях то же самое, только наоборот. Но шейх племени аль-Мухтара в том, что доходило до его ушей с другой стороны, обычно соглашались с мнением Ибрагима. Тот успокаивал его, говоря, что ему известно, чьих рук это дело, что это дело недостойных рук Иезекиля и главное здесь – не поддаваться. А вот шейха племени аль-Мудтарра некому было предостеречь от деяний Иезекиля, который стал вести себя с шейхом так, словно и он, и его племя были ему чем-то обязаны. Иезекиль заявил шейху, что готов изготовить для его племени оружие и, если племя аль-Мудтарра нападет на племя аль-Мухтара, не потребует за него слишком много, ограничившись той суммой, о которой они договорятся. С того дня Иезекиль стал наведываться к шейху племени аль-Мудтарра как дорогой друг и советник, с мнением которого так или иначе считаются. И племя аль-Мудтарра стало все чаще совершать набеги на племя аль-Мухтара, устраивать засады, угонять скот, убивать того, кому не посчастливилось оказаться без защиты. А когда племя аль-Мухтара предпри-

нимало ответные действия, племя аль-Мудтарра уклонялось от прямого боя, скрываясь в заранее подготовленных укреплениях или уходя в горы, где находили они себе укрытие в дальних пещерах, особенно когда племя аль-Мухтара атаковало их большими силами и организованно. Но если они видели, что атакующее их войско не организовано, они набрасывались на него, убивали мужчин, вселяли ужас в детей, а то и убивали их, захватывали скarb и уводили скот, а женщин угоняли в плен.

Когда наступила весна, Иезекиль посоветовал шейху племени аль-Мудтарра переселиться и при этом перейти ту часть территории, которая как зона безопасности разделяла во избежание трений оба племени. При этом было решено, если племя аль-Мухтара окажет сопротивление, напасть на него, захватить стада и имущество, убить мужчин и взять в плен женщин и на этот раз, в отличие от предшествовавших стычек, полностью его уничтожить. Но в случае победы над противником Иезекиль поставил перед шейхом условие:

– Мое главное условие, шейх: в случае вашей победы дочь шейха того племени должна стать моей добычей.

Несмотря на всю жесткость этого условия, ибо шейх племени аль-Мудтарра по законам того времени сам хотел заполучить эту девушку, он, пусть и нехотя, согласился.

В последние дни февраля шейх племени аль-Мудтарра велел группе мужчин отправиться с ним и, нарушив запретную границу, расположиться рядом с племенем аль-Мухтарра и сказал, что в подходящий момент отдаст приказ о нападении. Иезекиль убедил шейха в том, что самому Иезекилю необходимо остаться в лагере, чтобы следить за домом шейха, выполнять пожелания женщин, а главное, как он сказал, продолжать ковать мечи, кинжалы и копья, ведь война может продолжаться долго. А поскольку дурная натура, попутчик которой – шайтан, а не устои веры, никогда не изменяет себе, как только дом после отъезда шейха опустел, Иезекиль принялся любезничать с женой шейха и щедро одаривать ее украшениями, заманивая в свой дом. Та поначалу возмущалась:

– Я жена шейха, юноша, а главное в преданности женщины – хранить мужчине верность в его отсутствие.

Иезекиль со смехом отвечал:

– Ты не дочь кого-либо из родни шейха и вообще не из его племени и не из его народа. Ты чужая этому племени, и обычаи твоего народа иные, чем обычаи здешних племен. К тому же откуда тебе знать, возможно, шейх не вернется, попадет в плен или погибнет. Тогда тебе, чужестранке, не к кому будет идти, кроме меня.

Иезекиль умасливал ее медовыми речами, а когда наконец одолел, стал торговаться по поводу ее единственной дочери, особенно после того, как та застала их на месте постыдного преступления. Когда Иезекиль приближался к дочери шейха, она покрикивала на него, но он сказал, что единственным способом получить к ней доступ было соблазнить ее мать. И хотя дочери неприятны были и эти слова, и то, что он делал с ее матерью, а мать делала с ним, со временем она стала общаться с ним по-другому, задумав по-своему противостоять неизбежному злу. Как только солнце скрывалось за горизонтом и пастухи возвращались со стадами домой, мать пробиралась в шатер Иезекиля и возвращалась лишь незадолго до того, как свет начинал брезжить на небосводе. А когда дочь всячески ее укоряла, говорила так:

– Оставь меня в покое! Ты не была еще замужем и тебе не понять, что чувствует женщина в отсутствие мужа, которого не любит. К тому же я не из вашего племени, и ваши обычаи не для меня. Твоему отцу, когда он брал меня в жены, было известно, что до него я знала мужчин. Пока его нет и не известно еще, сколько не будет, оставь нас с Иезекилем в покое, и пусть каждый отвечает за самого себя. К тому же, – добавила она, – Иезекиль мужчина сильный и знает, как обращаться с женщиной. Он заботится о нашей семье, пока наши воины отсутствуют. Кроме того, он завалил нас золотом. Смотри, это ожерелье от него и сережки, и этот браслет он подарил. Он взялся сделать мне пояс из золота, украшенный

серебром. Когда я сказала, что это слишком дорого, он ответил, что готов отдать мне душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.